

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. Г. ЛЕВИН

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О РАСАХ И РАСОВОЙ ПРОБЛЕМЕ

(К шестидесятилетию со дня смерти)

Научно-литературная деятельность Н. Г. Чернышевского — великого русского ученого и критика, как назвал его Маркс¹, столь многогранна, что трудно назвать область знания, которой так или иначе не коснулся бы его энциклопедический гений. Заметное место в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского занимала тематика, связанная с антропологией и сопредельными с ней дисциплинами. И здесь, как и во всей своей деятельности, Н. Г. Чернышевский выступает как великий революционный мыслитель и демократ, непримиримый борец против абсолютизма, крепостничества, национального гнета, как крупнейший философ-материалист. «Как ни возвышенно зрелище небесных тел, как ни восхитительны величественные или очаровательные картины природы, человек важнее, интереснее всего для человека. Потому, как ни высок интерес, возбуждаемый астрономией, как ни привлекательны естественные науки, важнейшую, коренную наукою остается и останется навсегда наука о человеке», — писал Н. Г. Чернышевский в 1855 г.² Наука о человеке для Чернышевского это, в первую очередь, наука о развитии общества, об этапах его поступательного движения, об историческом процессе. Но и специальные вопросы антропологии нашли свое место в многочисленных работах Чернышевского.

50-е годы прошлого столетия — период, когда антропология еще не оформилась как самостоятельная научная дисциплина, да и самый термин «антропология» не получил еще четкого содержания. Но тот круг проблем, который составил в дальнейшем содержание антропологической науки, отнюдь не остался чуждым интересам эпохи. Напротив, и вопросы происхождения человека, и в особенности, вопросы, связанные с изучением человеческих рас и интерпретацией расовых особенностей приобрели в середине прошлого столетия особую остроту. Старый спор между поли- и моногенистами, не стихавший в литературе на протяжении многих десятилетий, приобрел новое содержание и иную направленность в связи с политической борьбой вокруг невольничества в США. Если раньше теория полигенизма бросала вызов библейской традиции, а моногенисты выступали как защитники церковных догм, то в новых условиях полигенизм становится оружием в руках защитников рабства в борьбе с аболиционистами. Именно в это время (1854 г.) выходит в США

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. I. Послесловие ко второму изданию. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 13.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собр. соч., изд. М. Н. Чернышевского, СПб., 1906, т. I, стр. 223. Все цитаты — по этому изданию. В дальнейшем указываются только том и страницы.

книга Нотта и Глиддона «Типы человечества», книга, отвечавшая социальному заказу рабовладельцев и с позиций полигенизма доказывавшая отсутствие родства между белыми и неграми, которые, по утверждению авторов, составляют особый вид, близкий к человекообразным обезьянам.

Книга Нотта и Глиддона — далеко не исключение в антропологической литературе середины прошлого века. Те же идеи о неполноценности негров, об их особом от белых происхождении, о полифилетическом происхождении человеческих рас развивают такие научные авторитеты того времени, как Агассиц, как Джемс Гент — основатель Лондонского антропологического общества и другие. 50-е годы прошлого столетия — время зарождения и того реакционнейшего псевдонаучного направления в антропологии, которое стало в дальнейшем известно под названием «антропосоциологии». Родоначальником его по праву считается французский аристократ граф Артур Гобино, автор опубликованных в 1853—1856 гг. «Очерков о неравенстве человеческих рас». Было бы, конечно, неправильно представить антропологию середины прошлого века как безраздельное господство расистских концепций, но надо признать, что положение о расовой обусловленности национальных и классовых различий было широко распространено в литературе, и смешение понятий расы и племени, расы и нации характерно для буржуазной антропологии того времени. Это были темы, далеко выходявшие тогда за сферу чисто академических дискуссий. Это был период национальных движений в Европе, время широкой колониальной экспансии европейских государств, когда учение о нации, вопросы о национальном характере, национальных особенностях приобрели особую политическую актуальность. Теории о биологической обусловленности национальных различий, об их неизменности, независимости от исторических условий становятся оружием в руках реакции. Против них и выступает Чернышевский, продолжая и развивая традиции В. Г. Белинского. На протяжении всей своей деятельности Чернышевский последовательно проводит мысль о том, что национальные особенности, различия в психическом складе народов не связаны с их расовыми чертами, что эти особенности и различия исторически обусловлены, что «Мы знаем не качества народов, а только состояния этих качеств в данное время»³. «Стремление объяснить историю народа особенными неизменными умственными и нравственными качествами его имеют своим последствием забвение о законах человеческой истории». Поэтому не обосновано и «фантастическое деление народов на способные и неспособные к достижению высокой цивилизации»⁴, — писал Чернышевский.

Первая работа Н. Г. Чернышевского, в которой сформулированы его взгляды по вопросу о расах, относится еще к 1855 г. Это подробная библиографическая статья, посвященная разбору вышедшего в 1854 г. III тома «Магазина земледения и путешествий»⁵. Уже в этой работе молодой Чернышевский четко формулирует задачи этнографии, указывает на значение этнографического материала по первобытным племенам для реконструкции далекого прошлого цивилизованных народов, развивает положение о том, что «каждое племя, стоящее на одной из степеней развития между самым грубым дикарством и цивилизацией, служит представителем одного из тех фазисов исторической жизни, которые были проходимы европейскими народами в древнейшие времена». Значение этой работы Чернышевского, в которой он четко формулирует уче-

³ Т. X, ч. 2, «Статьи последнего времени», стр. 155.

⁴ Там же, стр. 156 и 157.

⁵ Там же, стр. 222—230. Полное название статьи: «Магазин земледения и путешествий. Географический сборник, издаваемый Николаем Фроловым». Эта статья Н. Г. Чернышевского была помещена в № 1 «Современника» за 1855 г.

ние о стадияльной закономерности развития человеческого общества, выступая как предшественник Люиса Моргана, было уже отмечено в нашей литературе⁶.

Следует особо указать, что, рассматривая вопрос о различиях в уровне развития отдельных народов, Чернышевский специально подчеркивает независимость этих различий от расовых особенностей, а их обусловленность ходом исторического развития различных народов. «Степень развития и внешние условия жизни, с нею соединенные, почти безусловно властвуют над характером общества, его обычаями, понятиями и учреждениями; самое развитие в характере различных рас человеческого племени оказывает влияние, почти совершенно ничтожное сравнительно с могущественным действием этих условий (подчеркнуто нами.— М. Л.); потому-то для каждой степени развития на низших, для каждого направления цивилизации на высших ступенях исторической жизни человечества, существует один тип; каковы нравы и учреждения одного пастушеского племени, таковы есть и были нравы и учреждения всех племен, когда они стоят на той же ступени развития», — писал Чернышевский в той же работе 1855 года⁷.

Еще более определенно высказывается по данному вопросу Н. Г. Чернышевский в 1857 году в статье по поводу речи И. Бабста «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала»⁸. Он резко критикует тех авторов, которые считают, что «коренное основание различия между народами заключается в племенных особенностях организма»⁹. (Здесь, как и в других местах, Чернышевский под «племенными» подразумевает расовые особенности.) «Зоологические сравнения и физиологические соображения, — пишет он, — доказывают со всей той несомненностью, какая только возможна при доказательствах, основанных на умозаключении и аналогии, что племенные особенности европейских народов не могут служить основанием различия в их быте и привычках..., что ...особенности, которыми один национальный тип отличается от другого, не нуждаются для своего объяснения в предположении первобытного различия племен, а совершенно достаточную причину должны иметь в различии исторической судьбы различных народов Европы»¹⁰. Но это положение должно быть отнесено не только к европейским народам, подчеркивает Чернышевский. «Мы убеждены, — пишет он, — что и негг отличается от англичанина своими качествами исключительно вследствие исторической судьбы своей, а не вследствие органических особенностей»¹¹. Эти слова Чернышевского, написанные им около 100 лет назад, звучат вполне актуально и сейчас и непосредственно направлены против столь распространенных в зарубежной этнографии и антропологии реакционнейших концепций о расовой обусловленности исторического процесса, о мнимых расовых общностях и различиях, как определяющих факторах политической жизни.

Чернышевский, который, по словам Ленина, «был замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм»¹², не только высказывается против расовых теорий, но и вскрывает политические корни этих теорий. Чернышевский гениально вскрыл

⁶ Г. Виноградов, Этнография в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского. К пятидесятилетию со дня смерти (1889—1939). «Советская этнография», Сборник статей, III, 1940, стр. 35—55. С. А. Токарев, Вклад русских ученых в мировую этнографическую науку. «Советская этнография», 1948, № 2. стр. 195—197.

⁷ Т. I, стр. 225.

⁸ Т. III, стр. 505—524.

⁹ Там же, стр. 510.

¹⁰ Там же, стр. 512—513.

¹¹ Там же, примечание к стр. 510.

¹² Ленин, Соч., т. XVII, изд. 3-е, стр. 342.

зависимость философских учений, научных теорий от политики. «Политические теории, да и всякие вообще философские учения,— писал он,— создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, борющихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ»¹³. Так возникли и развивались и расовые теории, в частности, теория о расовой неполноценности негров, эта «плантаторская теория рас», исходящая из мотива, ничего общего не имеющего с научной истиной. «Когда встревожились за свое рабовладение плантаторы южных штатов, ученые расуждения в защиту рабства быстро получили такую разработку, какая была нужна для опровержения мыслей партии, сделавшейся опасною для рабовладельцев южных штатов», «когда они серьезно встревожились за судьбу своих плантаций и увидели надобность защищаться от нападения аболиционистов, то нашлись у них на ораторскую, газетную, ученую борьбу громадные силы, как нашлись после на военную»,— писал Чернышевский¹⁴.

Вопрос о расах рассматривается Чернышевским и в его известных дополнениях к переводу работы Джона Стюарта Милля «Основания политической экономии». Перевод, дополнения и примечания к нему были напечатаны в журнале «Современник» в 1860 г. В своих примечаниях Чернышевский писал: «В числе предубеждений, о которых, быть может, и надобно сказать, что в них есть некоторая, небольшая часть истины, но которые без всякого сомнения теоретически несправедливы и практически вредны, когда принимаются за полную и очень важную для практики истину, очень заметное место занимает предвзвешенность, будто особенные племенные свойства, происходящие от особенностей самого организма, играют очень сильную роль в судьбе народов; будто один народ по самой своей прирожденной натуре, по своей расе, неспособен к тому, к чему способен другой народ также по своей расе. Главною опорю этого ошибочного мнения представляется неподвижность азиатских народов по сравнению с прогрессивностью истории европейских народов. Но тут оказывается, что придают важность гипотезе только по невниманию к фактам, которые или совершенно уничтожают надобность в ней, или оставляют ей очень мало места». «Мы говорим все это к тому, чтобы ослабить слишком сильное расположение к приписыванию коренного значения расе народа в его судьбе»,— продолжает он, указывая на значение исторических и географических причин различий в судьбах европейских и азиатских народов. «В образовании нынешнего положения каждого народа такая громадная часть принадлежит действию обстоятельств, не зависящих от природных племенных качеств, что если эти особенные, различные от общей человеческой природы качества и существуют, то для их действия оставалось очень мало места, неизмеримо микроскопически мало места»¹⁵.

В целом ряде своих ранних работ Чернышевский неоднократно возвращается к вопросу о неравномерности исторического процесса, о различиях в судьбах отдельных народов; постоянно вместе с тем подчеркивая, что эти различия ни в какой степени не снимают основного положения об общих закономерностях исторического развития. В своей наиболее крупной философской работе «Антропологический принцип в философии» (1860 г.) Чернышевский подробно аргументирует это положение. «Когда мы поверхностным образом обозреваем две страны,

¹³ Н. Г. Чернышевский, Антропологический принцип в философии. Госполитиздат, 1944, стр. 8.

¹⁴ Т. X, ч. 2, «Статьи последнего времени», стр. 82 и 83.

¹⁵ Т. VII, стр. 18, 20 и 21.

очень далекие по развитию одна от другой, страну дикарей и страну высоко цивилизованного народа, нам кажется, будто бы в одной из них нет даже и следа тех явлений, какие поражают нас своим колоссальным размером в другой»¹⁶. Но это глубоко неверно. «Дело иного рода, насколько где развилось известное явление; но явления всех разрядов в разных степенях развития существуют у каждого народа. Зародыш один и тот же; он развивается повсюду по одним и тем же законам, только обстановка у него в разных местах различна, оттого различно и развитие»¹⁷. Большое значение придавал Чернышевский географическому фактору, различиям в географических условиях, в которых протекало историческое развитие разных народов. Но он отнюдь не склоняется к упрощенному географическому материализму, столь характерному для философов-материалистов домарковского периода. Он указывает на различную роль географической среды на разных ступенях исторического развития народа. «Особенно в начале народной жизни географическая обстановка обнаруживает всю свою силу над народными занятиями. Но впоследствии является даже в этих занятиях, не говоря уже об обычаях народа, перемена, необъяснимая ни природою страны, ни географическим ее положением». «Таким образом,— продолжает Чернышевский,— ни природа, ни порождаемый ею темперамент народа вовсе недостаточны для объяснения народных занятий и быта, как скоро народ выходит на поприще исторического развития. Чем же объяснить различие национальных качеств и быта в различных европейских народах? Для этого нужно только, не останавливаясь на первоначальном факте их жизни, на отношении их к природе стран, с таким же вниманием наблюдать и влияние других отношений, среди которых проходила и проходит их жизнь. Отношения эти определяются гражданским устройством народов». Так писал Чернышевский в 1857 г. в указанной уже выше статье по поводу речи Бабста¹⁸. Значение географических условий Чернышевский видит не в прямом, непосредственном их воздействии на общество, на культуру народа, а в том, что тот или иной характер географической среды, то или другое географическое положение страны способствует или препятствует общению между народами, связывает или изолирует страну от других и т. д.

Первый период научно-литературной деятельности Н. Г. Чернышевского, к которому относятся рассмотренные выше его высказывания по вопросу о расах, охватывает немногие годы его пребывания в Петербурге, до заточения в Петропавловскую крепость (1853—1862 гг.). Затем следует 21 год тюрьмы, каторги и ссылки — годы беспрестанных страданий, когда царское правительство все делало для того, чтобы изолировать Чернышевского от жизни, лишить его всякой возможности не только политической, но и научно-литературной деятельности. Только в 1883 г. Чернышевскому было разрешено вернуться из Сибири и поселиться в Астрахани, где он провел шесть лет, лишь за несколько месяцев до смерти получив возможность переехать в свой родной город Саратов.

В астраханский период своей деятельности Н. Г. Чернышевский был вынужден ради литературного заработка заняться переводом «Всеобщей истории» Георга Вебера¹⁹. Труд Вебера не мог удовлетворить Чернышевского. Он прекрасно видел его методологическую несостоятельность, националистические тенденции автора и в предисловии к I тому рус-

¹⁶ Н. Г. Чернышевский, Антропологический принцип в философии, Госполитиздат, 1944 г., стр. 76.

¹⁷ Там же, стр. 77.

¹⁸ Т. III, стр. 513 и 515.

¹⁹ Из 15 томов «Всеобщей истории», вышедших в издании Солдатенкова (Москва, 1885—1893 гг.), первые 11 и половина двенадцатого тома переведены Чернышевским под псевдонимом «Андреев».

ского издания перевода писал, что «без философских рассуждений в трансцендентальном тоне и без рассуждений о превосходстве немецкой нации над итальянской, французской и английской книга Вебера была бы несравненно лучше»^{19а}. Это побудило Чернышевского сопроводить перевод рядом пространных дополнений-статей, объединенных им под общим заголовком «Очерк научных понятий по некоторым вопросам всеобщей истории». Сюда относятся статьи: «О расах», «О классификации людей по языку», «О различиях между народами по национальному характеру», «Общий характер элементов, производящих прогресс», «Климаты. Астрономический закон распределения солнечной теплоты» и, наконец, самостоятельный «Очерк научных понятий о возникновении человеческой жизни и о ходе развития человечества в доисторические времена»²⁰.

Как видно из заглавий, большая часть этих работ непосредственно связана с антропологическими вопросами и представляет для нас особый интерес.

В статье «О расах» Н. Г. Чернышевский блестяще вскрывает политическую сущность расовых теорий, подробно разоблачает мнимую научную аргументацию защитников полигенизма, в том числе и довольно распространенное в свое время убеждение о бесплодности мулатов, что приводилось полигенистами как доказательство различного видового происхождения белой и черной расы.

Специально останавливается Чернышевский на вопросах расовой классификации. «Классификация рас,— пишет он,— остается до сих пор очень шаткой в своих подробностях. Специалисты, справедливо признаваемые наиболее компетентными судьями по вопросам этого рода, не сходятся между собою в том, сколько коренных рас должно считать. И последователи известного способа классификации не сходятся между собою в мнениях, к той или другой из принимаемых им рас причислить то или другое племя. Признаки, по которым следует делить людей на расы, тоже остаются предметом споров»²¹. Но эти чисто специальные вопросы,— подчеркивает Чернышевский,— не могут и не должны заслонить основного положения, что каковы бы ни были различия людей по цвету кожи, характеру волос на голове, форме черепа — все эти различия довольно незначительны сравнительно с элементами тождества в организации всех рас»²². «Все расы произошли от одних предков. Все особенности, которыми отличаются они одна от другой, имеют историческое происхождение»²³.— таково основное положение Чернышевского в учении о расах.

Второе положение Чернышевского — отрицание роли расового фактора в истории. «Научная осторожность не допускает ставить различия между белой и желтой расами принципом объяснения каких бы то ни было фактов их истории. До сих пор еще остается сильна старая привычка объяснить исторические различия расовыми; но этот метод объяснений устарелый и дающий два очень дурные результата: во-первых, объяснение, основанное на нем, обыкновенно бывает само по себе ошибочно; во-вторых, успокаиваясь на этом фальшивом, мы забываем искать истинного объяснения.

Во многих случаях истина была бы ясна сама собою, если бы не была закрыта от нас фантастическим объяснением факта посредством расовых отличий. Так, например, мнимая неподвижность быта и понятий китайцев была бы без всякого труда понята нами в истинном ее виде как ряд падений цивилизации под гнетом варваров, если бы наше вни-

^{19а} Т. X, ч. 2, «Статьи последнего времени», стр. 76.

²⁰ Там же, стр. 81—229.

²¹ Там же, стр. 87.

²² Там же, стр. 89.

²³ Там же, стр. 90.

мание не было отвлечено от этих бедствий произвольной фразой о неспособности желтой расы подняться выше известного уровня цивилизации»²⁴.

Было бы, конечно, неправильно модернизировать взгляды Чернышевского и приписывать ему современное марксистское разрешение вопроса о происхождении и значении расовых различий. «Чернышевский,— писал Ленин,— единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»²⁵.

Отсюда и некоторая противоречивость, которая выступает в отдельных формулировках Чернышевского по вопросу о расовых особенностях, недоучет качественного своеобразия человеческих рас по сравнению с породами животных, недооценка того скачка, того качественно нового, что отделяет человека как социальное, а не только физиологическое существо от животного мира. Чернышевский отдает дань современному ему уровню антропологических знаний, когда приводит в непосредственную связь деятельность мозга со строением черепа, когда пишет, что «с развитием умственной жизни людей какого-нибудь племени лоб их становится выше»²⁶, что «те негритянские племена, у которых передняя часть черепа очень продавлена, конечно имеют передние части головного мозга мало развитыми»²⁷. Но, излагая эти распространенные в его время неправильные взгляды, Чернышевский сумел преодолеть господствовавшее в антропологии положение о неизменности расовых особенностей. «Вопрос вовсе не в том,— продолжает он,— низко ли нынешнее состояние их (негритянских племен.— М. Л.) умственной жизни, а в том, способны ли они к высокой цивилизации, может ли развиваться передняя часть головного мозга их, подняться их лоб. Факты показывают, что может»²⁸.

В оценке расовых различий, как было показано, Чернышевский неизменно оставался на позициях ярого борца против расовых теорий, в очень многих вопросах антропологии далеко опередив свой век.

Теснейшим образом со статьей «О расах» связана статья Н. Г. Чернышевского «О классификации людей по языку». В ней Чернышевский специально останавливается на несоответствии языковой и расовой классификаций, на несовпадении делений национальных и расовых. «Классификация людей по расам основывается на некоторых из их различий по наружности. Если к характеристике расы мы будем прибавлять определения видоизменений этих основных признаков или другие различия по наружности, то получим характеристики отделов расы; продолжая идти этим путем подразличений, мы будем получать подразделения более и более подробные. Эти физические типы будут по нисходящему порядку подразличения более или менее соответствовать группам людей, называемым семействами народов, народами, племенами народа, отделами племени народа; но лишь более или менее, а не вполне; и степень соответствия будет в очень многих случаях — вероятно, в большинстве случаев — неудовлетворительна для исторических надобностей»²⁹.

²⁴ Там же, стр. 96.

²⁵ Ленин, Соч., т. XIII, Изд. 3-е, стр. 295.

²⁶ Т. X, ч. 2, стр. 90.

²⁷ Там же, стр. 92.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, стр. 97.

Современные нации неоднородны в расовом отношении. «Изучая состав тех нынешних западноевропейских наций, которые наиболее многочисленны и с очень давнего времени имеют особенно важное историческое значение — испанской, итальянской, французской, английской и немецкой нации, — мы видим, что каждая из них — соединение людей нескольких очень различных физических типов, что каждый из этих типов принадлежит лишь меньшинству людей, составляющих нацию, и что в составе других наций находится очень много людей того же типа. Перепутанность эта так велика в пяти главных нациях Западной Европы, что если говорить с научной точностью, то о каждой из них должно сказать: нельзя составить точную характеристику наружных особенностей, под которую подходило бы большинство людей этой нации и которая с тем вместе оставалась бы относящейся собственно к этой нации, как ее отличие от других наций, а не была бы характеристикой группы людей гораздо более обширной, чем эта нация»³⁰. И, далее: «Вавилоняне, ассирияне, персы, греки, римляне тоже состояли из людей разных физических типов. Ни один из этих народов не может быть характеризован по физическим признакам такими чертами, которые не были бы гораздо шире его народности. Классификация по физическим признакам дает вместо народов более широкие группы людей, лишенные национального единства, состоящие из людей разных народностей...»³¹. Рассматривая далее классификацию людей по языку, Чернышевский пишет: «Разряды языков мало совпадают с делением людей по расам: изолирующими языками говорит только часть желтой расы; к народам, говорящим агглютинирующими языками, принадлежит часть желтой расы, краснокожая и малайская расы (если считать их не видоизменениями желтой, а коренными расами), черная раса (насколько известны ее языки) и некоторые отделы белой расы»³².

На чем покоятся существующие различия в строе различных языков? Каковы общие законы их развития? Эти вопросы подробно разбираются в той же статье «О классификации людей по языку». Острые своей критики Чернышевский обращает в первую очередь против тех специалистов по языкознанию, которые «пускаются в философствования о характере человеческого языка вообще и об умственных и нравственных особенностях людей, склоняющих существительные по падежам, от людей, заменяющих падежи предлогами»³³. Чернышевский показывает всю методологическую несостоятельность рассуждений о том, что «человек уже рождается способным мыслить только посредством того языка, который тождествен с его индивидуальностью...», что «язык, которым говорит человек, вполне обусловлен его происхождением», что различный строй языков связан с природными различиями людей, деление языков на изолирующие, агглютинирующие и флектирующие — с различием их умственных способностей. «Это беспрепятственное шествие торжествующего мышления флектирующих ученых от произвольных предположений путем силлогизмов к желаемому выводу напоминает, — пишет Чернышевский, — средневековую схоластику, с которой и действительно имеет очень близкое родство немецкая трансцендентальная философия, давшая основные аргументы для изложенной нами теории отношений между тремя разрядами языков: языками глупых народов, не совсем глупых, но и не умных народов, и народов очень умных»³⁴.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, стр. 99.

³² Там же, стр. 116—117.

³³ Там же, стр. 103.

³⁴ Там же, стр. 106.

Мы привели основные высказывания Н. Г. Чернышевского по вопросу о расах. Из антропологических тем именно этот вопрос наиболее интересовал Чернышевского. Это проистекало из политической его актуальности. Мы видели, что на протяжении своей научно-литературной деятельности Чернышевский по различным поводам касается вопроса о расах и всегда выступает здесь как пропагандист передовых идей, как неумолимый борец против расистских концепций и в антропологии, и в этнографии, и в лингвистике. Эта сторона деятельности великого русского революционного демократа, совершенно недостаточно оцененная до сих пор, сыграла крупную роль в развитии антропологической науки в России. Вряд ли можно сомневаться, что ранние работы Н. Г. Чернышевского, в которых трактуются вопросы антропологии, были знакомы тому кружку прогрессивных деятелей Московского университета, который в 60-х годах прошлого столетия основал при университете Общество любителей естествознания, в недрах которого зародилась русская академическая антропология³⁵. Русская академическая антропология, в отличие от антропологии зарубежной, в большей или меньшей степени подпавшей под влияние расистских теорий, вскормленных колониальной политикой империалистических стран Запада, сумела в лице своих наиболее крупных представителей противостоять этим модным теориям и на протяжении всего своего развития пронести передовые идеи, завещанные ею Н. Г. Чернышевским.

Советская антропология, развивающаяся на основе методологии марксизма-ленинизма идущая по пути, указанному ей работами великого Сталина, высоко чтит эти прогрессивные тенденции русской науки. В своей непримиримой борьбе с новейшими расистскими концепциями в зарубежной антропологии, в борьбе за подлинную науку советские антропологи с гордостью вспоминают своих предшественников и среди них бессмертное имя Н. Г. Чернышевского.

³⁵ См. нашу статью «А. П. Богданов и русская антропология». Советская этнография, 1946, № 1.